

Е.А. Долгова

«Научная работа в эпоху революции»:
Московский психологический институт
в 1914–1923 гг.

В статье анализируется записка философа, психолога, организатора психологической науки Г.И. Челпанова «О судьбе Московского психологического института со времени Мировой войны и прекращения связи с Америкой», выявленная в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки; устанавливается факт русско-американской научной переписки Г.И. Челпанова с профессором Корнелльского университета Э.Б. Титченером; восстанавливаются исторические обстоятельства создания документа.

Ключевые слова: история науки, Г.И. Челпанов, Э.Б. Титченер, Психологический институт им. Л.Г. Щукиной, Корнелльский университет, Принстонский университет, «Ено Hall», лаборатории, эксперимент, рефлексология, реактология, субъективный метод.

В Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее НИОР РГБ) был обнаружен любопытный документ под названием «О судьбе Московского психологического института со времени Мировой войны и прекращения связи с Америкой»¹. Автор его – психолог и философ Георгий Иванович Челпанов (1862–1936) – известен как организатор научно-исследовательской работы, особенно в области экспериментальной психологии. Его главной заслугой является создание крупного экспериментально-психологического центра – Психологического института им. Л.Г. Щукиной при Императорском Московском университете (был открыт в 1914 г.). Документ представляет собой черновой недатированный автограф и содержит краткое описание работы институции с 1914 по 1923 г.

© Долгова Е.А., 2017

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ, проект № 17-78-10202, «Российская социогуманитарная наука новейшего времени как мобилизационный проект: институциональное, наукометрическое и социальное измерение».

Ссылка в тексте документа на «последний» июльский номер «American Journal of Psychology» за 1924 г. с пометой «Вы выражаете желание узнать о судьбе московского Психологического института со времени Мировой войны, когда у нас прервалась связь с Америкой» позволила предположить, что обнаруженный документ является черновиком письма Г.И. Челпанова на русском языке одному из его американских коллег. Просмотр указанного номера журнала, действительно, выявил наличие заметки под названием «The new Princeton Laboratory», в которой автор, под псевдонимом «E. V. T.» описывающий основание в Принстонском университете новой психологической лаборатории, упоминал московский Психологический институт и выражал желание узнать, в каком состоянии он находится сейчас². Имя работающего под псевдонимом автора журнальной заметки и адресата письма Г.И. Челпанова оказалось легко установимо: им был известный американский психолог-эксперименталист, профессор Корнелльского университета, давний знакомый Г.И. Челпанова Эдвард Бредфорд Титченер (1867–1927).

В описи бумаг Э.Б. Титченера в Корнелльском университете было обнаружено указание на наличие двух писем Г.И. Челпанова: одно датировано 16 октября 1910 г., второе – 25 октября 1924 г.³ На мой взгляд, в основу последнего письма и был положен документ на русском языке «О судьбе московского Психологического института со времени Мировой войны и прекращения связи с Америкой». И в фонде Г.И. Челпанова в НИОР РГБ было обнаружено ответное письмо Э.Б. Титченера⁴. Таким образом, факт научных контактов можно считать установленным. Обратимся к историческим обстоятельствам.

В каком контексте упоминался Э.Б. Титченером Московский психологический институт? Описывая проект новой лаборатории Принстонского университета «Ено Hall» (названной по имени главного ее мецената mr. H.L. Eno), Титченер отмечал ее исключительное материальное оснащение: «Здание в готическом стиле, 28 футов в длину и 36 – в ширину, с двумя эркерами на обеих сторонах, будет состоять из 38 комнат, не считая туалетов, гардеробных и складских помещений: предусмотрены две лекционные комнаты, библиотека и комната для семинарских занятий, пять лабораторий для студентов, семь кабинетов для ведения исследований дипломированными специалистами, шесть кабинетов для преподавателей, три – для редакции, большой зал, три темные комнаты, звукоизолированные комнаты, три комнаты для изучения животных, механическая мастерская, комната для механика, три комнаты для оборудования и главное складское помещение. Лаборатории для студентов, кабинеты и преподавательские

комнаты должны быть одинаковыми по величине и образцу, поэтому они могут использоваться как взаимозаменяемые»⁵ (здесь и далее перевод с английского мой. – Е. Д.). Ученый подчеркивал, что основанная лаборатория «Епо Hall» – первое (на американском континенте) и второе (в мире) специально спроектированное здание для нужд научной психологии. Руководствуясь принципами научной этики, Э.Б. Титченер отмечал, что первенство в этом отношении принадлежало не американским ученым, а русскому профессору Г.И. Челпанову, сумевшему добиться реализации подобного проекта ранее («первая независимая лаборатория была построена в Москве примерно 15 лет назад профессором Г. Челпановым»). Для американского психолога оказалось важным подчеркнуть заслугу русского коллеги и задать вопрос, как живет московский институт сейчас, ведь на письма его Г.И. Челпанов не отвечал («письма, адресованные профессору Челпанову, остались без ответа»)⁶.

Институт, о котором упоминал Э.Б. Титченер, был основан Г.И. Челпановым в 1910 г. при историко-филологическом факультете Московского университета на базе психологического семинария, действовавшего с 1907 г. при кафедре философии. Практическая направленность работ семинария (он был ориентирован на научные экспериментальные исследования в противовес обсуждению теоретических вопросов) и необыкновенно яркий педагогический талант Г.И. Челпанова⁷ привели к тому, что в 1909 г. число его участников превысило 40 человек. Популярность его привлекла внимание и меценатов – в 1910 г. владелец художественной галереи, член Московского психологического общества С.И. Щукин перечислил Московскому университету 100 тыс. рублей для устройства специального института психологии (с просьбой, чтобы ему было присвоено имя его покойной жены, знаменитой московской красавицы Л.Г. Щукиной)⁸.

Составляя проект устройства института, Г.И. Челпанов взял за основу организацию работы психологической лаборатории Вильгельма Вундта в Лейпцигском университете, а также изучил систему работы психологических исследований при Гарвардском, Стэнфордском и Корнелльском университетах. Летом 1910 г. Г.И. Челпанов посетил ведущие психологические лаборатории немецких университетов (Штумпфа (Берлин), Кюльпе (Бонн), Марбе (Вюрцбург)), лично беседовал с В. Вундтом. А в 1911 г. объездил психологические институты Америки (Нью-Йорк, Чикаго, Гарвард, Бостон и др.), особенно ценным он как раз посчитал ознакомление с работой лаборатории Э.Б. Титченера в Корнелльском университете⁹.

В январе 1911 г. началось строительство здания Института, в ноябре того же года оно было закончено и началось его оборудование. Как и писал Э.Б. Титченер, здание Московского психологического института стало первым в мире, построенным по специальному плану: все европейские и американские институты переделывались и приспособлялись из старых помещений. По величине здания и по количеству комнат (их было 59) это учреждение было самым большим. Первый этаж предназначался (помимо административных помещений) для чтения общих курсов психологии и заседания Московского психологического общества (большая аудитория на 300 человек), а также для библиотеки с читальным залом и комнаты для семинарских занятий. Второй этаж планировался исключительно для практических занятий. Помимо малой аудитории, где имелись приспособления для практических занятий, допускающих возможность работы многих специалистов (до 18 одновременно), имелось 10 небольших специально оборудованных лабораторий. Третий этаж предназначался для научных исследований по экспериментальной психологии. Здесь были оборудованы комнаты для акустических исследований (в частности, комната с двойными стенами, внутри переложенными пробковым слоем), для оптических исследований, фотографическая комната. В полуподвальном помещении расположились столярная и механическая мастерские. Для проведения научных исследований и практических занятий имелось свыше 150 специальных приборов.

Хотя уже в 1913 г. в письме к философу Г.Г. Шпету Г.И. Челпанов писал: «Институт наш функционирует вовсю. Третий этаж заполнен: разрабатывается 17 тем. Второй этаж, practi[sum] функционирует очень хорошо. К сожалению, аудитория, наша auditorium maximum, оказывается мала. Но уже теперь неисправимо»¹⁰, официальное торжественное открытие Психологического института состоялось лишь 23 марта 1914 г. (по желанию С.И. Щукина оно было приурочено ко дню св. Лидии – дню ангела его покойной жены). Многие ораторы подчеркивали мировое значение открытия института и выражали пожелание, чтобы он сделался центром, объединяющим русских психологов. Так, сохранилось письмо физиолога, лауреата Нобелевской премии по медицине И.П. Павлова к Г.И. Челпанову от 24 марта 1914 г., в котором он писал: «Что нам русским надо – сейчас в особенности – это пропаганда научных стремлений, обильные научные средства и страстная научная работа... После славных побед науки над мертвым миром пришел черед разработки и живого мира, а в нем и венца земной природы – деятельности мозга. Задача на этом последнем пункте так невыразимо велика и сложна, что... все работники мысли, с какой бы

стороны они ни подходили к предмету, все увидят нечто на свою долю, и доли всех рано или поздно сложатся в разрешении величайшей задачи человеческой мысли. Вот почему я, исключаящий в своей лабораторной работе над мозгом малейшее упоминание о субъективных состояниях, от души приветствую Ваш Психологический институт и Вас как его творца и руководителя и горячо желаю Вам полного успеха»¹¹. Важно отметить, что И.П. Павлов стоял на совершенно иных, нежели Г.И. Челпанов, исследовательских позициях: его работы поддерживали подход объективной психологии и были близки к бихевиоризму Д. Уотсона.

Предметом экспериментальной работы в Психологическом институте с первых дней его функционирования были память (сотрудник Н.А. Рыбников, соотношение механического и логического запоминания), мышление (В.Е. Смирнов, особенности процесса абстракции), эмоции (А.А. Каэлас, природа и выражение эмоций), внимание (Н.Ф. Добрынин, колебание внимания), роль упражнений в совершенствовании психических процессов (Н.П. Ферстер), особенности волевых процессов (П.А. Шеварев, феноменологические ступени волевого акта) и др. Интенсивно исследовался процесс ощущений (Г.И. Челпанов разрабатывал психофизические методы для исследования глазомера, С.В. Кравков изучал взаимодействие ощущений), реакции (К.Н. Корнилов). Всего к 1917 г. в Институте разрабатывалось 24 темы. На семинарах по теоретической психологии были обсуждены 20 сообщений, по экспериментальной – 12¹². Результаты исследований публиковались на страницах собственного печатного издания «Труды Психологического института имени Щукиной при Московском университете» (первый том которого Г.И. Челпанов в 1914 г. отправил Э.Б. Титченеру¹³). Кроме того, публикации результатов исследований сотрудников института находили место на страницах философских, психиатрических, педагогических и некоторых других журналов¹⁴.

Институт, безусловно, был первым в России и одним из наиболее крупных в масштабах мировой науки психологических «учебно-учебных» учреждений и не мог не привлекать внимания научного сообщества. Именно поэтому Э.Б. Титченер упомянул о нем в своей заметке в «American Journal of Psychology», одновременно известив Г.И. Челпанова о посланных ему письмах, на которые не получил ответа. Легко представить чувства Г.И. Челпанова, обнаружившего в 1924 г. в авторитетном издании адресованную ему заметку американского коллеги. Наверное, как минимум он нашел в ней подтверждение того, что работа руководимой им институции в предшествующий период, в трудную «эпоху революции», была интересна его коллегам-психологам вне зависимости от разделявших их

национальных и государственных границ. Чувство ответственности за судьбу руководимого им института, вероятно, и стало причиной написания и, как мне кажется, отправки Э.Б. Титченеру заметки о его работе «с начала Мировой войны и прекращения связи с Америкой», несмотря на то что директором института с 1923 г. Г.И. Челпанов уже не являлся.

Как писал Г.И. Челпанов, с 1914 по 1917 г. занятия в институте шли «почти нормально», был проведен ряд исследований. Для их публикации в 1917 г. был основан журнал «Психологическое обозрение», но в 1917 и 1918 гг. удалось выпустить всего три книги этого издания. После этого (вследствие «бумажного голода». – *Е. Д.*) институт не мог публиковать свои исследования, за исключением очень немногих работ, которые вышли в форме брошюр, а частью были напечатаны в немецких журналах¹⁵. В 1918 г. советское правительство выделило 100 тыс. рублей на расширение механической мастерской¹⁶. Приобретение приборов на эту сумму довело мастерскую до «исключительно высокой степени совершенства». 1918 и 1919 годы были весьма неблагоприятными для научных занятий «вследствие совершенного отсутствия отопления». В 1920 г. в составе института было открыто отделение прикладной психологии и психологии труда – «количества сотрудников и помещений оказалось вполне достаточно для осуществления этой задачи»¹⁷. В 1922 г., «несмотря на прошлые технические трудности», была закончена конструкция универсального психологического прибора, «могущего представить большой интерес также и для американских психологов-педагогов». В 1922 г. правительство провело первую большую реформу Психологического института: он был превращен в специальный Исследовательский институт, который объединил все психологические учреждения Москвы¹⁸. В 1923 г., по словам Г.И. Челпанова, «по случаю совершенного переустройства государственного строя в России и науки, и в их числе психология, должны были преобразоваться согласно принципам философии марксизма. Правительство признало, что материализму Маркса соответствует только объективная психология (рефлексология Бехтерева, учение об условных рефлексах Павлова, бихевиоризм Уотсона). Вследствие этого прежний персонал Института, состоящий из психологов-интроспективистов, уступил свое место психологам-объективистам»¹⁹.

Присущее Г.И. Челпанову чувство внутреннего достоинства и, вероятно, боязнь возможной перлюстрации не позволили ученому жаловаться американскому коллеге на трудности быта эпохи Революции и Военного коммунизма. Мы не находим в его заметке указаний ни на голод, ни на инфляцию, ни на перебои с транс-

портом, ни на необеспеченность одеждой, ни на недостаточность пайков ЦеКУБУ и ожидание «гуверовских посылок», которыми пестрят дневники тех лет²⁰, – как помеха научной работе упоминаются лишь трудности с «отоплением». Нет сообщения об отмене ученых степеней и званий, появлении на университетской скамье студентов-«рабфаковцев», закрытии историко-филологического факультета Московского университета и переводе Психологического института в структуру общественно-педагогического отделения Факультета общественных наук (ФОН). Нет и личной трагедии Г.И. Челпанова – ареста отца и расстрела старшего брата по обвинению в контрреволюционной деятельности в 1920 г. Письмо содержит лишь краткий отчет о проделанной работе и обещание в одном из ближайших писем прислать чертеж психологического прибора, «могущего представить большой интерес также и для американских психологов-педагогов»²¹. Однако, обратившись к отчетам 1-го МГУ за 1917–1919 гг., можно судить, что в годы революции и Гражданской войны деятельность Психологического института сократилась. Так, в 1919 г. в лабораториях экспериментальной психологии исследовались лишь семь тем, в семинаре по теоретической психологии участвовали всего восемь человек, в практикуме по экспериментальной психологии было только 12 участников²².

В первые годы после революции содержание и направление работы института носили тот же характер, что и в предреволюционные годы. До конца 1920 г. действовали старые учебные планы и программы²³. Хотя, безусловно, Г.И. Челпанов отделял исследуемую им философскую проблематику от строго научного, экспериментального метода института, нельзя не отметить темы прочитанных им в эти годы публичных и, что важнее, учебных лекций в стенах института. Так, в 1919 г. Г.И. Челпановым были предложены темы «Природа души», «О тождестве Я», «О сознании», «Взаимодействие души и тела», «О персональных чувствах», «О методах или источниках психологии»²⁴, в 1920 г. – «Этика, ее задачи и особенности»²⁵, в 1921 г. – «Высшие эстетические чувства», «Развитие симпатии», «О природе социальных чувств», «Понятие альтруизма и эгоизма»²⁶. Конечно, эти лекции читались с субъективистских позиций, с точки зрения безусловного признания роли души в психологии. Популярность же и особую актуальность в это время приобрели близкие бихевиоризму механистические и, важно подчеркнуть, материалистические учения – рефлексология В.М. Бехтерева и учение об условных рефлексах И.П. Павлова. Они настаивали на «прикладной пользе» философии, предлагали конкретный ответ на технологический «запрос» на практикоориентированный характер научных исследований, поставленный перед русским обществом,

пережившим Первую мировую войну, революцию и гражданское противостояние²⁷. Важно отметить, что конфликт научных течений не выходил за рамки научной дискуссии: выше цитировался приветственный адрес И.П. Павлова Г.И. Челпанову на открытие Психологического института; в НИОР РГБ было обнаружено письмо, в котором Г.И. Челпанов в качестве эксперта поддержал проект В.М. Бехтерева: «...рассмотрев план академика В.М. Бехтерева об устройстве Института по изучению мозга и психической деятельности, нахожу, что учреждение подобного Института у нас в России заслуживает всяческого поощрения, так как Институт мозга может иметь огромное научное значение и практическое значение. Можно надеяться, что в руках такого всемирно известного исследователя, как профессор академик Бехтерев, деятельность Института будет вполне успешна. Смета, представляемая профессором Бехтеревым, является весьма умеренной»²⁸.

Перелом в работе института Г.И. Челпанова начался только в 1920–1921 гг. – кроме вопросов общей психологии, он стал разрабатывать, например, приобретающую особую актуальность психологию труда (это нашло отражение и в тематике читаемых им лекций: в 1920 г. – «Ближайшие задачи психологии труда»²⁹, в 1921 г. – «О мотивах труда», «Проблема мотивов труда как основа социальной педагогики»³⁰), внимание привлекла и проблема экспериментально-педагогических методов. Однако некоторое изменение вектора исследований не означало принятия Г.И. Челпановым материалистической, объективистской трактовки психологии. По воспоминаниям философа Г.О. Гордона, «Георгий Иванович Челпанов делал судорожные попытки удерживать за собой институт. Он выпускал брошюры, в которых доказывал, что марксизм – это спинозизм, что ему делать в обычной и экспериментальной психологии совершенно нечего, а задача его – занятия социальной психологией, и великодушно предлагал открыть в своем Психологическом институте... отделение социальной психологии, куда и пустить парочку-другую ручных марксистов, а все остальное оставить под его эгидой, сохранив в неприкосновенности основное направление и сложившиеся уже традиции института. Дело было безнадежное, но он пытался бороться до конца»³¹. Однако 15 ноября 1923 г. Г.И. Челпанова на посту директора института сменил К.Н. Корнилов, его бывший ученик, предложивший в качестве материалистической основы работы института учение «реактологии»³². При этом из института оказались уволены или покинули его вслед за Г.И. Челпановым многие его старые сотрудники. Институт был переименован в Государственный институт экспериментальной психологии

Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.

Как писал Г.И. Челпанов, «теперь нам приходится уходить, не выполнив и четверти того, что мы надеялись выполнить. Мы стойко вынесли и бедствия войны, и все невзгоды бурного периода революции. Мало того, мы даже немножко выросли в это необыкновенно тяжелое для науки время. И вот теперь в эпоху мирного строительства революции мы должны уходить и прерывать незаконченную работу! С этим, конечно, трудно смириться. Когда тяжелая колесница революции в своем порывистом шествии давит и виновных и ни в чем не повинных, мы готовы с этим мириться. В этом мы видим что-то непреодолимое! Но когда в мирное время разрушается с таким трудом созданное культурное дело, да и разрушается без всякой надобности, то мы с этим никак примириться не в состоянии»³³. Потеря созданного им института обернулась и другой, личной для исследователя, утратой. В 1917 г. на страницах учрежденного им журнала «Психологическое обозрение» Г.И. Челпанов, словно предчувствуя, писал: «Психолог должен иметь дело с двумя лабораториями. Одну из них он носит всегда с собой, другую он не может понести с собой, но в ней он обязательно должен провести часть своей жизни»³⁴. Именно возможности работы во второй, созданной благодаря его усилиям, лаборатории ученый оказался лишен. В 1926 г. он подал прошение о зачислении в Государственный институт экспериментальной психологии в качестве хотя бы штатного или сверхштатного сотрудника для того, чтобы пользоваться оборудованием, однако получил отказ³⁵. Не встретил поддержки и предложенный им проект организации Института социальной психологии в 1926 г.³⁶

Г.И. Челпанов прожил до 1936 г., по воспоминаниям Г.О. Гордона, «он сильно одряхлел, как говорили, и болел: вынужденное безделье и постоянное огорчение из-за потери деятельности, которую он так любил, подкосили его»³⁷. А в 1927 г. умер его собеседник Э.Б. Титченер – в отправленной в ответ на его заметку в «*American Journal of Psychology*» записке Г.И. Челпанова «О судьбе Московского психологического института со времени Мировой войны и прекращения связи с Америкой» 1924 г. ни слова не было сказано о том, что на момент написания ее автор уже не являлся его директором.

Процедура исследовательского поиска непредсказуема. Порой, обнаруживая в архивной описи документ с пометкой «без даты» и вписывая его шифр в листок читательского требования, не представляешь, какие ниточки потянет за собой обнаруженное свидетельство. Так, случайно выявленный в фонде Г.И. Челпанова в НИОР

РГБ документ заставил обратиться к издательскому портфелю «The American Journal of Psychology», затем – к бумагам американского психолога-эксперименталиста Эдварда Б. Титченера в коллекции Корнелльского университета и, наконец, вернул назад, в НИОР РГБ, позволив установить факт и интересные исторические обстоятельства русско-американской научной переписки в 1924 г.

Примечания

- ¹ НИОР РГБ. Ф. 326: Г.И. Челпанов. К. 37. Д. 93.
- ² The new Princeton Laboratory / E.B.T. [Edward Bradford Titchener] // The American Journal of Psychology. Vol. 35, no. 3. (Jul., 1924). P. 465.
- ³ Division of Rare and Manuscript Collections Cornell University Library. [Электронный ресурс] URL: <http://rnc.library.cornell.edu/EAD/htmldocs/RMA00545.html> (дата обращения 22.04.2017).
- ⁴ НИОР РГБ. Ф. 326. К. 38. Д. 64.
- ⁵ The new Princeton Laboratory... P. 465. Факультет психологии Принстонского университета будет занимать здание «Ено Hall» вплоть до 1963 г. (Leitch A. Eno Hall [Электронный ресурс] // URL: http://almagest.princeton.edu/CampusWWW/Companion/eno_hall.html [дата обращения 22.04.2017]).
- ⁶ Ibid.
- ⁷ *Ракитина О.В.* Г.И. Челпанов, И.П. Павлов и В.М. Бехтерев как научные руководители: сравнительный анализ // История российской психологии в лицах: дайджест. 2016. № 6. С. 278–279.
- ⁸ Здесь и далее описание института см.: *Челпанов Г.И.* Психологический институт имени Л.Г. Шукиной при императорском Московском университете: история, описание устройства и организации занятий. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1914.
- ⁹ См.: Программа лекции «Об американских университетах и чему учит нас пример Америки» [1912] // НИОР РГБ. Ф. 236. К. 37. Д. 87.
- ¹⁰ *Чубаров И.* Предисловие к публикации писем Г.И. Челпанова, Л.И. Шестова, Б.В. Яковенко, Р.О. Якобсона и других к Г.Г. Шпету // Логос. 1992. № 3. С. 243–263.
- ¹¹ НИОР РГБ. Ф. 326. К. 35. Д. 71. Л. 1.
- ¹² *Никольская А.А.* Институт психологии в составе Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. 1982. № 3. С. 71.
- ¹³ НИОР РГБ. Ф. 326. К. 37. Д. 93. Л. 2об.
- ¹⁴ См., например, роспись статей в приложении: *Сидорчук И.В., Долгова Е.А.* Из истории одной инициативы: к 110-летию издания «Вестника психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» // Вопр. психологии. 2014. № 5. С. 128–137.
- ¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 326. К. 37. Д. 93. Л. 2об.
- ¹⁶ Сохранились счета: НИОР РГБ. Ф. 326. К. 35. Д. 147.

¹⁷ Там же.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 326. К. 37. Д. 93. Л. 1об.

¹⁹ Там же.

²⁰ Так, в своих воспоминаниях Ю.П. Анненков описывает следующий случай: «На встрече в доме искусств Г. Уэллсу, посетившему Петроград осенью 1920 года, пришлось выслушать выступление писателя А.В. Амфитеатрова: “Вы не можете подумать, что многие из нас, и, может быть, более достойные, не пришли сюда позвать вашу руку за неизменением приличного пиджака и что ни один из здесь присутствующих не решится расстегнуть перед вами свой жилет, так как под ним нет ничего, кроме грязного рванья, которое когда-то называлось, если я не ошибаюсь, бельем”...» (см.: *Анненков Ю.П. Дневник моих встреч: цикл трагедий: В 2 т. Т. 1. Л.: Искусство. Ленингр. отд-ние, 1991. С. 31. Подобные описания см.: Гиппиус З.Н. Петербургские дневники: 1914–1919. Нью-Йорк: Орфей, 1982; Чуковский К.И. Дневник. Т. 1: 1901–1929. М.: ПРОЗАиК, 2011; Одоевцева И.В. На берегах Невы: [Воспоминания]. М.: Худож. лит., 1988).*

²¹ НИОР РГБ. Ф. 326. К. 37. Д. 93. Л. 1об.

²² Цит. по: *Никольская А.А.* Указ. соч. С. 71.

²³ НИОР РГБ. Ф. 326. К. 39. Д. 33.

²⁴ Там же. К. 41. Д. 2, 10, 19, 33, 39, 48, 49, 69, 73.

²⁵ Там же. Д. 8.

²⁶ Там же. Д. 17, 24, 48, 54.

²⁷ Подробнее о работе одной из таких лабораторий и проводимых в ней исследованиях П.А. Сорокина (изучение голода, рефлексологии профессиональных групп) в 1919–1922 гг. см.: *Долгова Е.А.* Изучение социальной проблематики в Лаборатории коллективной рефлексологии Института мозга и психической деятельности В.М. Бехтерева // Журн. социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 3 (86). С. 25–31.

²⁸ НИОР РГБ. Ф. 236. К. 37. Д. 21. Л. 1.

²⁹ Там же. Д. 15. Л. 3.

³⁰ Там же. К. 33. Д. 7, 9.

³¹ *Гордон Г.О.* Из воспоминаний о Г.И. Челпанове // Вопр. психологии. 1995. № 1. С. 84–96.

³² Об этом см.: *Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю.* Вокруг Челпанова: новые документы о психологической дискуссии 1923–1924 гг. // Арзамасские чтения-2: основные направления развития отечественной и зарубежной психологии: Материалы Всеросс. методолог. семинара. М.: АГПИ, 2011. С. 106–118; *Богданчиков С.А.* Почему был уволен Г.И. Челпанов? // Вопр. психологии. 1996. № 1. С. 85–96;

³³ НИОР РГБ. Ф. 326. К. 37. Д. 60. Л. 1об.–3об.

³⁴ *Челпанов Г.И.* Об аналитическом методе в психологии // Психолог. обозрение. 1917. № 1. С. 3–17.

³⁵ НИОР РГБ. Ф. 326. К. 37. Д. 12.

³⁶ Там же. Л. 3об.

³⁷ *Гордон Г.О.* Указ. соч. С. 96.